

18 Александр Онькин

ПОЭТЫ

И

ЧЕРНИ

Александр Онькин

Поэты и черни.
Поэзия, драматургия

«Издательские решения»

Онькин А.

Поэты и черни. Поэзия, драматургия / А. Онькин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904350-4

В книгу вошли произведения 2015–2019 гг. — комедия «Поэты и черни» в сценической редакции, стихотворения «Другая Золушка», «Чудовище», «Блондинка и осьминог», написанные в стиле первой книги автора «Прикольное», явившейся печатным воплощением его сольных выступлений на эстраде, СТЭМовской сцене в жанре «Театр одного поэта». Ирония и самоирония лирического «Я» интерпретирует известные сюжеты, изменяет устоявшиеся образы, классические литературные символы представляются в неожиданных ракурсах. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-904350-4

© Онькин А.
© Издательские решения

Содержание

Поэты и черни	6
Эпилог	6
Сцена 1. Звёздное небо	8
Сцена 2. «На фоне Пушкина»	11
Сцена 3. «Палата»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Поэты и черни Поэзия, драматургия

Александр Онькин

*Поэт в России больше не поэт:
По ссылкам только медиа-поэты.
Поэты наполняют Интернет,
А стадионы собирают – Пиночеты.*

Корректор Валентина Корионова
Дизайнер обложки Полина Терёхина

© Александр Онькин, 2020
© Полина Терёхина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-4350-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэты и черни Комедия

Эпилог

Основан на бытующей версии, что Гоголь был похоронен в летаргическом сне.

– Стихосложенье – забава без смысла, дым коромыслом от коромысла. Гоголь проснулся!
К нам на постой? Лев Николаич я...

– Гоголь.

– Толстой... Гоголь Васильевич, ты не фекаль. Тута, как тама – власть тьмы, вертикаль.

Чем-то паноптикум, где-то некрополь.

– Где Севастополь? Вертай Севастополь!

Тени на Невский перебрались. Тут Достоевский выразил мысль.

Герцен откликнулся и поддержал. Лев Николаевич не возражал. И феерически всплыл пузырьёк.

– Мне – символически, – высказал Блок.

– Я – гоголь-моголь.

– Вы – балагур! Не оценили мы ваш каламбур.

– Пушкин, вы – горькую? Я – в западне!

– Вылейте Горькому всё, что на дне.

Тут постучали.

Включается свет. На сцене Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Блок, Горький, Герцен (всё время спит) и Автор (всё время отсутствует, но появляется вовремя).

Из правой и левой кулис поочерёдно раздаются стуки в двери. Слева – громкий, справа – тихий.

ГОЛОС АВТОРА. Тут постучали.

ДОСТОЕВСКИЙ. Ну кто ещё в храм?

Бас МАЯКОВСКОГО (слева). Не беспокойтесь —
не Мандельштам.

МАНДЕЛЬШТАМ (выходит справа).

Не говоите!

На каждом сидит

Антисемите —

Антисемит.

Не провожайте меня до дверей.

Нобеля первым получит еврей!

ТОЛСТОЙ.

Чтобы левою ногою
Мне, как Бродский, написать,
Надо долго за сохою
Жопой дрыгать и плясать.

ПУШКИН (*Мандельштаму*).

Я потомок Ганнибала
И арап.
Закрой хабал!
Твоя морда заебала,
По ебалу и съебал.

МАНДЕЛЬШТАМ. И он к устам моим *пыник* и *вийвал* грешный мой язык.
Взасос целует Пушкина.
Из другой кулисы выпадает дверь. Размашисто появляется Маяковский.
МАЯКОВСКИЙ.

Хоть и вырос большой,
но упорно
ненавижу я
жесткое порно.

ПУШКИН. Вы тоже достали меня, гражданин!

МАЯКОВСКИЙ. Я достаю из широких штанин. Хватит пинаться, вы – груда камней!

Скоро двенадцать!

БЛОК (*радостно*). Это ко мне!

ГОЛОС АВТОРА. Как же! – возник Гумилёв за стеной, Блоку пеняя,

– Не к вам, а за мной.

Солнце садилось при полной луне.
Ветер спокойно гулял в стороне.
И застывали в вечерней поре
Золото – в солнце, луна – в серебре.

Сцена 1. Звёздное небо

Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Блок, Горький, Герцен (всё время спит) и Автор (всё время отсутствует, но появляется вовремя).

ГОГОЛЬ. Звёзды! Справа налево начинался отсчёт. Вижу – с месяцем Дева, а на месяце – чёрт.

ПУШКИН. И он к устам моим приник и шепчет: «Ник, о Ник, о Ник!»

ГОГОЛЬ. Тут я проснулся. Во гробе. Темно... Кто-то глядит на меня сквозь окно.

И не находит под тяжестью век – чёрный, как будто слепой человек...

Вот он почтительно сделал кивок. Я со свечою – нет никого.

Свечку задую – и снова он там.

БЛОК (*заплетающимся языком*). Кто? *Мальденитам?*

ТОЛСТОЙ. Ну везде Мандельштам.

ДОСТОЕВСКИЙ. Кто за окошком-то, я не врублюсь? Лучше скажите, а то обосрись.

ГОГОЛЬ. Тихо!.. На цыпочках... Дверь на засов. Карканье. Уханье, пуканье сов. Дверь заскрипела...

Его перебивают.

ПУШКИН. И за руку цап!

БЛОК (*с ужасом*). Снова кацап?

ГОРЬКИЙ. Да неужто кОцап?

ГОГОЛЬ. Дверь заскрипела... И мне о рукав тихо потёрся незапертый шкаф. Шкаф обругав, я прикрыл этот шкаП. (*Стучит себе по голове – мол, вы не соображаете, и поясняет*) А из него вылез мёртвый кацап.

ГОЛОС АВТОРА. Тут постучали

Аккуратный стук в дверь.

ГОГОЛЬ. Да что за тамтам! Пусть наконец-то войдет Мандельштам.

Входит Мандельштам.

МАНДЕЛЬШТАМ. Не говоите, любая хуйня

Не может случиться у них без меня.

ВСЕ. Милости просим!

МАНДЕЛЬШТАМ. Не премину. Гоголь, сначала! И как в старину.

ВСЕ (*возмущённо*). Как сначала? Опять по кацапов?

ПУШКИН (*заказывая*). Про хохлов!

Аплодисменты. Тишина.

ГОРЬКИЙ (*бурчит*). Посмешнее чуток! Пovyлазило тихою сапой мертвяков миллионов с пято'к.

ГОЛОС АВТОРА. Достоевский сконфужен. Посмотрев на Луну...

ДОСТОЕВСКИЙ (*в сторону*). Месяц на хер не нужен. Чёрта – я пиздану.

ДОСТОЕВСКИЙ и ГОГОЛЬ (*вместе*). Как-то на Питерской...

Гоголю дают бутерброд с салом. Он смачно ест и нахваливает. Достоевский думает, что похвала относится к его повествованию и с каждым одобрительным жестом Гоголя распаляется всё больше и больше. Гоголь облизывает пальчики.

ДОСТОЕВСКИЙ (*продолжая без Гоголя*). Ем чебурек. Слышу – за мною жуёт человек. Прижух. С разворота по воздуху – хрясь! А под галошами чавкает грязь. Думаю, ладно, пускай себе ест. И постучался в парадный подъезд. Открыла старуха: «Что надо, милоч?» «Кредит, чрезвычайно, взгляните – залог». Замешкался я неуклюже. Стремглав выскользнул на ногу мой томагавк. Пятится бабушка к стенке, юля. Мне она: «Ой!» Я же, ой, бля-я! Как спотыкнулся о половик, и на неё...

– Молодой чоловік!

ГОРЬКИЙ. То, что случилось, не есть хорошо.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я отряхнулся и сразу ушёл.

Ходит старушка, покамест жива...

И томагавками колет дрова.

Пауза. Раздаётся смачный зевок Герцена. Он поднимается, потягивается.

МАНДЕЛЬШТАМ (*тихо*). Лев Николаевич, как вам отстой?

Фонограмма – хлопанье птичьих крыльев.

ГОЛОС АВТОРА. Над Достоевским поднялся Толстой.

Толстой идёт к Достоевскому. На его пути становится Герцен, который передвигается по сцене как лунатик. При их столкновении раздаётся звук колокола. Герцен и Толстой раскланиваются, после чего Герцен продолжает двигаться к двери, неожиданно ускоряется и вписывается в косяк. Раздаётся повторное звучание колокола. Герцен уходит за кулису. Колокол продолжает методично бить там, за кулисами.

Фонограмма – удары колокола.

В это время Блок достает карманные часы. Начинают бить часы с кукушкой.

БЛОК (*произносит после каждого «ку-ку»*). Раз, два, три.

«Ку-ку» прекращаются, Блок продолжает считать.

БЛОК. Четыре! Пять!

МАНДЕЛЬШТАМ (*кланяясь и с японским акцентом*) Блок «Двенадцать» сосинять.

ТОЛСТОЙ (*подпрыгивая и нанося удары*). Фёдор! Михайлович!

Звёздное небо гаснет. На сцене в полной темноте светится только длинная белая борода Толстого. В темноте загораются два зелёных глаза Достоевского. Светящаяся борода начинает от них пятиться и растягивается до полного натяжения. Приглушённый свет. Фонограмма – мелодия «Мурка» или любой узнаваемый блатняк.

ТОЛСТОЙ (*заискивающе*). Фёдор Михайлович... Федя... (*придушенно*) Брата-ан!
(*Напевает*).

На Шикотан тебя, на Шикотан!

В лучшее место вдали от параш.

А на старуху наточим палаш!

Достоевский хватает Толстого за бороду. Свет выключается. Снова полная темнота. Нижний конец светящейся бороды приподнимается и сворачивается, как выжимаемая тряпка. Борода сильно растягивается, уходит в нижнюю плоскость, и, медленно раскачиваясь, начинает совершать круговые движения, постепенно приподнимаясь над полом с нарастающим гулом пропеллера. Борода подсвечивается лазером, поднимается высоко под потолок и улетает за кулису.

Фонограмма – марш из кинофильма «Цирк», затихающий и переходящий в фортепьяно тапёра, сопровождающего немое кино.

Включается свет. На сцене всеми актёрами разыгрывается пантомима. Её комментирует Автор.

ГОЛОС АВТОРА. Герцен, заране покинув кильдым, спустился и вышел. Столкнулся с Толстым. Как раз к остановке подъехал трамвай.

Толстой: «Ё!», Герцен: «Sory... А ты не зеWай!»

На рельсах... и шпалах валялся Толстой.

Отрезало: бороду и... С головой.

Сцена 2. «На фоне Пушкина»

Фонограмма – мелодия группы «Альфа» «Я московский озорной гуляка»

Выходит Есенин в огромном цилиндре необычного покроя, верхняя часть которого покачивается, как будто на голову надета матерчатая корзина для белья на металлическом каркасе. Одет, как тинейджер – футболка, длинные шорты. Ставит цилиндр на авансцену – типа для сбора денег. Делает несколько танцевальных движений. Свистит. Выходит Блок.

ГОЛОС АВТОРА. Блок и Есенин читают свои стихи. Сцена 2. Мемуары.

БЛОК. Имя Пушкинского дома

В Академии наук¹.

ЕСЕНИН (*по-мальчишески нарываясь*).

Ты Сашу знаешь?

Саша был хороший.

И Лермонтов

Был Саше (*показывает*) по плечу².

Фонограмма «А пока мы только дети, нам расти ещё расти». Робко появляется Пушкин в белой рубашечке с бантиком и чёрных шортах. С портфелем и в очках, он выглядит, как отличник. Актёр проходит по сцене на полусогнутых ногах. Рядом с ним на корточках, держась за руку, гусиным шагом идёт какой-то чувак с усами в гусарском мундире. По земле волочит сабля. В кивере он в аккурат по плечу маленькому Пушкину. Раздаётся школьный звонок. Совсем «маленького» уводит Блок. Пушкин и Есенин садятся за одну парту и пишут сочинение. Есенин всё время заглядывает к соседу в тетрадь и списывает.

ПУШКИН (*задумчиво*). Вновь я посетил³... (*Пишет*).

ЕСЕНИН (*смотря в тетрадь соседу, пишет в своей*) ...я посетил. (*Тут его осенило. Вырывает лист, пишет на следующем*). Я! посетил⁴.

ПУШКИН. Тот уголок земли...

ЕСЕНИН. Родимые места...

Пушкин закрывает тетрадь. Отгораживается от соседа портфелем, как барьером.

ПУШКИН (*пренебрежительно*). Сельщина!

ЕСЕНИН. Ту сельщину...

ПУШКИН. Где я провёл...

ЕСЕНИН. Где жил...

ПУШКИН. Изгнанником...

ЕСЕНИН. ...никАм...ником... ещё... ещё... мальчишкой. (*Перечитывает у себя*). Я посетил родимые места, ту сельщину, где жил изгнанником ещё мальчишкой.

ГОЛОС АВТОРА. Что-то вычёркивает.

Сцена 3. «Палата»

Есенин сидит в кресле в больничном халате. В изголовье маячит Блок с маракасами.

ЕСЕНИН и БЛОК (*поют*). «Но болен я сиреневой порошей...»²

ГОЛОС АВТОРА. Сцена 3. Есенин. «Чёрный человек». Кушетка. Из простыней появляется голова Есенина. Выглядит она в точности так, как описал поэт. «Голова моя машет ушами, как крыльями птица. Ей на шее ноги маячить больше невмочь»⁵.

ЕСЕНИН и БЛОК (*поют*). «Но болен я сиреневой порошей...»²

Появляется Доктор в белом халате. Снимает резиновые перчатки и бросает их в цилиндр, стоящий на авансцене. Блок уходит спиной вперёд, двигаясь как мим.

ЕСЕНИН (*Доктору*). Друг мой, друг мой!

ДОКТОР. Вам хватит, и хватит.

ЕСЕНИН. Маячить невмочь голове – потолок.

Чёрная водка!

Вы – в чёрном халате.

На шее ноги моей – уши...

ДОКТОР (*осмысливая вышесказанное*). Вы йог?

Фонограмма – тревожная музыка.

ЕСЕНИН. Чёрный человек на кровать ко мне ночью садится,

Приподняв свой цилиндр, и откинув небрежно труссы.

Я не знаю, откуда берётся и что он за птица...

ДОКТОР. Но когда вырубаетесь, он вам в кровать ещё ссыт...

Вы три дня и три ночи гудите уже,

И медсёстры вокруг скачут кордебалетом.

Я в палату вхожу: Гюльчатой в парандже,

В парандже и цилиндре, поверх надетом.

Нежный, ласковый, кроткий.

В золотом парике.

Может, хватит вам водки?

Пауза.

Может, лучше... sake?

После вызовем Шагу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.